

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.008)

Оригинальная статья / Original paper

Э.А. Демирджи, Д.А. Демирджи

*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская
Федерация*

E-mail: enveralper@hotmail.com, dashar199949@gmail.com

Тимар, девширме и миллет: османская модель централизованного господства в сравнительной перспективе

Аннотация

Историография колониализма традиционно формировалась в контексте заморской экспансии западноевропейских держав. Настоящая статья предлагает иную исходную позицию: эксплуатация есть нормальное условие существования любой централизованной власти, и поэтому вопрос состоит не в том, была ли она, а в том, какую конкретную форму она принимала. На материале Османской империи XV–XIX вв. исследование подвергает сравнительному анализу три ключевых административных института — тимар, девширме и миллет — с целью реконструировать внутреннюю логику некапиталистической, государственно-центрированной модели господства, структурно отличной от западных колониальных аналогов. Тимарная система рассматривается как механизм централизованного контроля над землей и трудом, эволюционировавший в режим рентной эксплуатации по мере ослабления фискальной дисциплины центра. Девширме анализируется как целенаправленный проект социальной инженерии: систематическое изъятие и трансформация человеческого капитала балканских обществ в интересах имперской бюрократии. Миллетная система интерпретируется как стратегия административной «читаемости» населения, при кото-

рой риторика религиозной терпимости служила инструментом управляемости, а не самоцелью. В совокупности эти институты образовывали единую логику доминирования через избирательное включение, а не вытеснение: в отличие от ряда имперских моделей нового времени, прибегавших к подавлению языков, замещению культурных структур и принудительной ассимиляции, Османская империя сохраняла идентичности завоеванных обществ, превращая само это сохранение в инструмент контроля. Структурный предел данной модели состоял в том, что институционализация различий со временем порождала корпоративные идентичности, питавшие националистическую мобилизацию. Статья опирается на сравнительную социологию империй и теорию внутреннего колониализма и вносит вклад в преодоление евроцентричных рамок колониальных исследований.

Ключевые слова:

Османская империя; колониализм; тимарная система; девширме; система миллета; центральная власть.

Для цитирования:

Демирджи Э.А., Демирджи Д.А. Тимар, девширме и миллет: османская модель централизованного господства в сравнительной перспективе // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 214–249. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.008)

Enver Alper Demirci, Daria A. Demirci

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

E-mail: enveralper@hotmail.com,

dashar199949@gmail.com

Timar, Devshirme, and Millet: The Ottoman Model of Centralized Domination in Comparative Perspective

Abstract

The historiography of colonialism has traditionally been framed within the context of the overseas expansion of Western European powers. This article proposes a different starting point: exploitation is a normal condition of any centralized power, and therefore the question is not whether it existed, but what specific form it took. Using the data related to the Ottoman Empire from the 15th to the 19th centuries, this study comparatively analyzes three key administrative institutions — the timar, the devshirme, and the millet — in order to reconstruct the internal logic of a non-capitalist, state-centered model of domination structurally distinct from its Western colonial counterparts. The timar system is viewed as a mechanism for centralized control over land and labor, evolving into a regime of rent-based exploitation as fiscal discipline weakened at the center. The devshirme is analyzed as a targeted project of social engineering: the systematic extraction and transformation of human capital from Balkan societies for the benefit of the imperial bureaucracy. The millet system is interpreted as a strategy for administrative «legibility» of the population, in which the rhetoric of religious tolerance served as a tool of governance rather than an end in itself. Taken together, these institutions formed a unified logic of domination through selective inclusion rather than exclusion: unlike some modern imperial models that resorted to the suppression of languages, the displacement of cultural structures, and forced assimilation, the Ottoman Empire preserved the identities of conquered societies, turning this preservation into an instrument of control. The structural limit of this model was that the institutionalization of differences over time gave rise to corporate identities that fueled nationalist mobilization. This article draws on the comparative sociology of empires and the theory of internal colonialism and contributes to overcoming the Eurocentric framework of colonial studies.

Keywords:

Ottoman Empire; Colonialism; Timar system; Devshirme; Millet system; Central government.

For citation:

Enver Alper Demirci, Daria A. Demirci. Timar, Devshirme, and Millet: The Ottoman Model of Centralized Domination in Comparative Perspective // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 214–249. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.008)

Введение

Историография колониализма длительное время развивалась в рамках изучения заморской экспансии Западной Европы и становления атлантического капитализма. Однако военные, административные и социальные механизмы доминирования одного политического центра над иными сообществами не являются исключительной прерогативой заморских империй. На обширных пространствах от Балкан до Ближнего Востока Османская империя также выстраивала централизованные механизмы подчинения через институты тимара, девширме и миллета, интегрируя местные общества в систему власти султана. Исходя из тезиса о том, что данные институты, функционируя иными методами, порождали по сути схожие отношения зависимости и эксплуатации, настоящая статья ставит целью переосмыслить османские административные практики в рамках теории колониализма.

В османской историографии эти структуры зачастую описываются как прагматические инструменты управления, тогда как в национальных историографиях Балкан они трактуются как символы «турецкого ига» и «эксплуатации». Данное исследование предлагает выйти за рамки данной дихотомии, предложив тройную аналитическую рамку для интерпретации упомянутых институтов одновременно в качестве прагматических и колониальных. В настоящем контексте «колониализм» понимается как установление центральной властью абсолютного контроля над производственными ресурсами и человеческим капиталом, целенаправленная реорганизация социальных структур в своих интере-

сах, а также устранение местного сопротивления с параллельным созданием зависимой от центра элиты.

Настоящая статья не отождествляет Османскую империю с европейским колониализмом и не утверждает, что любая централизованная власть автоматически является колониальной. Она исследует, в какой мере сравнительные колониальные концепции позволяют описать конкретные механизмы управления, применявшиеся Портой в отношении балканских обществ, — и прежде всего то, чем эти механизмы структурно отличались от западных аналогов. Аналитическая ценность понятия «колониализм» определяется здесь не его универсальным охватом, а его способностью выявить то, что остается невидимым в рамках как османской апологетики, так и балканской националистической критики.

В статье сначала исследуется, как система тимара устанавливала централизованный контроль над землей и трудом, эволюционируя со временем в механизм извлечения ренты. Во-вторых, анализируется функция системы девширме как проекта социальной инженерии, намеренно трансформирующего демографическую и культурную ткань балканских обществ. В-третьих, раскрывается стратегия «читаемости» (legibility) и контроля, скрывающаяся за риторикой религиозной терпимости в системе миллета. Данный сравнительный анализ призван поддержать тезис о разработке Османской империей некапиталистической, государственно-центрированной и меритократической модели колониализма, а также внести вклад в понимание структурных уязвимостей, предопределивших конечный распад империи.

Настоящее исследование опирается на несколько аналитических традиций, позволяющих выйти за рамки как османской апологетики, так и балканской националистической критики. Господство над периферийными обществами не обязательно требует заморской экспансии — оно воспроизводится через дифференцированное распределение ресурсов и административную категоризацию населения; именно этот механизм лежит в основе всех трех рассматриваемых институтов. Там, где европейский империализм строился на исключении завоеванных из метропольных культурных категорий, османская система действовала через избирательное включение: тимар превращал местные элиты в функционеров центра, девширме производил из балканских крестьян имперских чиновников, миллет превращал конфессиональные общины в управляемые административные единицы. Это не слу-

чайное совпадение трех практик, а единая логика доминирования, при которой лояльность обеспечивается личной зависимостью, а не правовыми механизмами¹.

1. Земельная система Османской империи: тимар на Балканах

Для понимания османского колониального устройства необходимо обратиться к политике завоеваний и переселений, проводимой империей на Балканах. Благодаря этим процессам со временем Балканы стали неотъемлемой частью Османского государства. Следовательно, Османская империя, дабы возродить Балканы, переживавшие крайнюю бедность и нужду, где царила политическая нестабильность, отсутствовал социальный и политический порядок из-за происходивших конфликтов и где ощущалась нехватка в обработке земель, использовала тимарную систему. С целью увеличить сократившееся в результате войн население, обеспечить стабильность и создать достаточное количество населения для обработки земель османы поощряли, а иногда и принуждали турок, переселявшихся из Анатолии, мигрировать на завоеванные территории². Османская администрация на Балканах избегала прямого вмешательства в местный уклад жизни и религиозные структуры. Доминировала тенденция сохранять производительное население; местная налоговая система в основном сохранялась. Этот подход облегчил принятие османского правления населением, измотанным политической нестабильностью и межконфессиональными конфликтами³.

¹ Weber M. *Economy and Society: A New Translation*, ed. and trans. Keith Tribe (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019), 361–362, 397; Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975), 30–41; Doyle M. *Empires* (Ithaca: Cornell University Press, 1986), 30–31, 108–109; Mann M. *The Sources of Social Power, Volume I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 2–3, 14.

² Данную практику можно рассматривать как форму демографической инженерии, характерную для классического колониализма: этническая и социальная структура завоеванных территорий была преобразована в интересах метрополии и переселение тюркского населения на завоеванные территории, аналогично классическому колониализму, представляло собой реорганизацию социальной структуры в интересах центра.

³ Emecen Feridun M. *Osmanlı İmparatorluğu'nun Kuruluş ve Yükseliş Tarihi (1300–1600)* (Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2016), 61–62.

Тимарская система, также называемая *дирлик* — «средство к существованию», была населению Балкан не чуждой, так как напоминала византийскую проноию⁴. Она позволяла заселять заброшенные земли переселенцами, включать их в хозяйственный оборот и обеспечивала сбор налогов без дополнительных затрат центра. Став основой административной и военной организации, тимар укреплял власть султана: непокорные сеньоры устранялись, а признававшие власть включались в систему⁵. Данный случай демонстрирует, что османский колониальный стиль управления подразумевал стратегию, основанную скорее на ассимиляции и интеграции, нежели на прямом конфликте; иными словами, в отличие от разрушительной политики перемещения населения, характерной для западного колониализма, это была система, функционировавшая по принципу «вознаграждение в обмен на лояльность»⁶.

Одним из таких методов вознаграждения была система, при которой Османская империя передавала земли под названием «оджаклык» или «юртлук» влиятельным местным лицам на наследственной основе в отдаленных регионах, таких как Босния и Герцеговина или Юго-Восточная Анатолия, с целью укрепления своей власти. Хотя эта практика была направлена на сохранение местной лояльности, со временем она заложила основы примитивного феодализма⁷.

В Османской империи существовали два основных класса: райя (подданные) и военный класс. Военный класс включал не только армию, но также государственных чиновников и их семьи. Этот класс освобождался от налогов и находился в прямом подчинении султану. По словам Халиля Иналджика, османы стремились ассимилировать местную аристократию и военный класс завоеванных регионов, включая их в систему тимаров⁸. Особенно на Балканах христианские сипахи и местные

⁴ Турецкое слово «Timar» полностью совпадает с его греческим значением: *Halil Inalcik*. «Timar» (DIA, 2012), No 41, 169.

⁵ *Inalcik Halil*. «Turkler ve Balkanlar» (BAL-TAM Turkluk Bilgisi, 2005) 27–29; *Emecen*. 2016, 61–63.

⁶ Дойл характеризует этот тип имперской экспансии как «племенную империю», трансформирующуюся в централизованный бюрократический контроль, при котором политическая интеграция периферии достигается через включение местных элит, а не через их уничтожение (*Doyle*. 1986, 108–109).

⁷ *Inalcik*. 2012, 168; *Orhan Kilic*. «Ocaklik» (DIA, 2007), No 33, 317; *Kilic Orhan*. «Yurtluk» (DIA, 2013), No 43, 614.

⁸ В веберовской типологии это соответствует стратегии, при которой патримониальный правитель включает потенциально конкурирующие элиты в собственный административный аппарат, тем самым нейтрализуя угрозу независимой власти на местах (*Weber*. 2019, 361–362, 364).

дворяне интегрировались в османскую систему тимаров. Это демонстрирует прагматичный подход османов к вовлечению местного населения в управление. Например, в XV в. многие христианские сипахи служили в османской армии и становились владельцами тимаров. Этот факт свидетельствует об успехе османов в интеграции местного населения в систему^{9,10}.

После завоеваний на Балканах Османская империя установила централизованный контроль над землей и трудовыми ресурсами. При этом обеспечивалась преемственность путем сохранения унаследованных от Византии моделей сельскохозяйственного производства, особенно системы «Чифт-Хане»¹¹, защищавшей мелкие хозяйства и крестьянский труд. Этот подход был направлен на обеспечение непрерывности производства и сохранение социального равновесия¹². Здесь не имело значения, была ли семья, получившая тимар, христианской или нет. Османы акцентировали внимание на том, будет ли им подчиняться население. Кроме того, особенность тимарной системы по сравнению с другими земельными системами заключалась в том, что крестьянин, обрабатывающий землю, был лишь пользователем земли, а сама земля являлась «мири»¹³ — государственной собственностью. Единственным владельцем земли был султан, представлявший государство. Земли не могли передаваться по наследству от отца к сыну. Поэтому в Османской империи не могла возникнуть феодальная система, подобная западной. Однако в Османской империи помимо земель, контролируемых армией и государством, существовали частные земли, называемые «мюльк», а также земли, доходы от которых напрямую поддерживали религиоз-

⁹ *Inalcik Halil*. The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy (Variorum Reprints, 1978), 114–116.

¹⁰ Интеграция балканской знати в тимарную систему одновременно отражала прагматичную стратегию ассимиляции Османской империи.

¹¹ *Inalcik Halil*. An Economic and Social History of the Ottoman Empire. (ed.) D. Quataert (Cambridge University Press, 1994). Vol. 1. 1300–1600, 145–146.

¹² Хотя данное регулирование, казалось, было нацелено на защиту крестьянских хозяйств, в действительности оно отражало колониальную логику эксплуатации: крестьяне прикреплялись к земле, их производственный потенциал систематически контролировался и направлялся на военно-административные нужды империи. Прикрепление крестьян к земле через систему «Чифт-Хане» было не столько механизмом защиты, сколько колониальным инструментом, обеспечивавшим передачу прибавочного продукта центру через закрепление рабочей силы.

¹³ В Османской империи существовала преемственность в обработке земли, и все пахотные земли были землями мири, другими словами, *dominium eminens* (*Adanir Fikret*. «The Ottoman Peasantries, c.1360–c.1860» (ed.) T. Scott. The Peasantries of Europe: From the Fourteenth to the Eighteenth Centuries (Longman, 1998), 278).

ные или благотворительные цели. Такие земли назывались «вакф» и находились вне государственного контроля. Частные земли могли передаваться в качестве своеобразного подарка родственникам, друзьям или рабам правителей. Такие земли часто позже превращались в религиозные вакфы, оставаясь вне тимарной системы¹⁴.

Что же касается положения, при котором единственным собственником земли является государство, то данная ситуация представляет собой форму колониального доминирования, выходящую за рамки классического феодализма, при которой центральная власть монополизировала землю и напрямую контролировала крестьянский труд. Таким образом, производство превращалось в механизм не только экономической, но и политической зависимости¹⁵.

Историки критикуют османский контроль над трудом земледельцев, отмечая его эволюцию в систему эксплуатации. По словам Димитрие Джорджевича и Стивена Фишера-Галати, после «*Rax Ottomanica*» империя столкнулась с кризисом, подрывавшим ее социально-политическую структуру к концу XVI в. Этот кризис проявился в ослаблении центральной власти на местах и нарушении баланса взаимных обязательств, лежавших в основе тимарной системы¹⁶. Ослабление османской власти в XVII в. привело к усилению местных чиновников и землевладельцев, что вызвало рост налогового бремени и распространение частных владений (чифтликков) в ущерб тимарам. Эта трансформация подорвала принцип взаимности в треугольнике «сипахи — крестьянин — центр», превратив тимар в инструмент господства, ориентированный на ренту. Несмотря на ограниченное политическое сознание, данные изменения негативно сказались на повседневной безопасности и экономической рациональности сельских общин¹⁷.

Уже во второй половине XVI в., в связи с изменением эпохи, тимарная система начала трансформироваться, и эти изменения были невыгодны для Османского государства. Собственно, с этого периода и на-

¹⁴ *Inalcik*. 1978, 113–115; *Adanir*. 1998, 279; *Inalcik*. 2005, 28–29; *Inalcik*. 2012, 170.

¹⁵ Манн описывает аналогичную логику в ранних империях господства, отмечая, что имперское государство не просто изымало прибавочный продукт из уже существующей экономики, но активно конституировало ее через принудительное сотрудничество. Выгоды этой системы «были абстрактными» и обеспечивались «единообразными и репрессивными услугами военного государства», а не производительными обментами самого населения (*Mann*. 1986, 147–148, 153).

¹⁶ *Djordjevic Dimitrije, Fischer-Galati Stephen*. *The Balkan Revolutionary Tradition* (Columbia University Press, 1981), 227.

¹⁷ *Djordjevic–Fischer-Galati*. 1981, 30.

чинаются основные критические оценки данного института со стороны историков. Ибо ее распад свидетельствует об отдалении от первоначальных прагматических функций и превращении в режим ренты, все более напоминающий колониальную эксплуатацию¹⁸. Ослабела связь между безопасностью крестьян и производством, а прибавочный продукт стал более непосредственно изыматься местными и центральными элитами.

Одной из ключевых причин разложения системы стала растущая потребность Османской империи в денежных средствах с конца XVI в. Часть тимарных земель была передана мультазимам (откупщикам) через систему илтизама в обмен на единовременные платежи. Первоначально эта практика поощряла производство и безопасность, но со временем превратилась в механизм извлечения ренты в руках бюрократической элиты. Увеличение налогового бремени подпитывало недовольство крестьян и ускорило ослабление центральной власти в провинциях¹⁹. Илтизам углубил отношения колониального господства путем перераспределения экономических ресурсов от производителей к рентоориентированной элите в османской провинции. Эта трансформация увеличила бремя эксплуатации крестьян, а не их лояльность центру, и изменила характер отношений местного населения с османской администрацией. По сути, илтизам ознаменовал сдвиг от рациональной налоговой системы к механизму колониальной эксплуатации, опосредованной рентоориентированными посредниками²⁰.

Это наблюдение подкреплено сравнительным анализом. Иналджик фиксировал, что сипахи постепенно начинали воспринимать налоговые поступления как личный доход, а не государственные средства. Примечательно, что именно эту траекторию — от рационального управления к произвольному извлечению ренты — сравнительная социология рас-

¹⁸ Вебер характеризует именно эту траекторию как структурно неизбежную при султанизме: патримониальное правление, финансируемое в денежной форме, порождает «полную свободу и произвол при установлении сборов, пошлин и монополий», что подрывает предсказуемость экономической деятельности и ускоряет концентрацию извлечения ресурсов в руках посредников (Weber. 2019, 370).

¹⁹ *Genç Mehmet. «İltizam»* (DIA, 2000) No 22, 154–157; *İnalcık Halil. The Ottoman Empire Classical Age: 1300–1600* (Phoenix, 2000), 47–49.

²⁰ Тилли прослеживает ту же динамику непосредственно на османском материале: когда под давлением военных расходов султаны обратились к откупщикам налогов, те «использовали свое положение, чтобы превратить земли, с которых они собирали налоги, в собственность», и тем самым «непреднамеренно установили классическую систему косвенного управления», которая обратилась как против подданных, так и против самих правителей (Tilly. 1990, 105–106).

считывает как структурную неизбежность патримониальных систем: фискальное давление войн порождает потребность в откупщиках, откупщики превращают арендуемые земли в собственность, а система косвенного управления, возникшая как вынужденная мера, в итоге обращается против тех, кто ее создал — и против подданных, и против самого центра²¹.

Разрушения, вызванные войнами, вместе с ужесточенными финансовыми практиками во многих регионах вынудили крестьян уходить в горы и примыкать к традиции разбоя и арματοлства; в периоды, когда Османская власть не могла платить арматолам, сами стражи порядка обращались к грабежам, что свидетельствовало о крахе равновесия между безопасностью и экономикой в провинции²². Эта ситуация ослабила способность тимарной системы обеспечивать военно-фискальную отдачу и сделала крестьянский труд более уязвимым для эксплуатации. После разорений войны 1768–1774 гг. центр хотя и искал новые реформы, но эрозия власти продолжалась от янычарских корпусов до провинциальных администраторов; прочного компромисса с реацией, выдвигавшей все более настойчивые требования, достигнуть не удалось^{23,24}.

Тем временем тимариотные сипахи, стремясь сохранить и увеличить доходы, расширяли чифтлики и требовали от крестьян большего числа повинностей. Так крестьяне оказались прочно прикреплены к земле, социальная мобильность и торговое развитие были ограничены. Это задержало формирование капиталистических отношений и обусловило отставание Балкан в процессе модернизации. В этот процесс включились не только сипахи, но и новый слой мусульманской знати — аяны, также приобретающие чифтлики и использовавшие крестьянский труд.

²¹ Weber. 2019, 370; Tilly. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990 (Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1990), 105–106.

²² Djordjevic–Fischer–Galati. 1981, 31–32.

²³ Там же. 63–64.

²⁴ Здесь следует подчеркнуть, что целью восстаний в Османской империи было не уничтожение государства, а возвращение в его рамки. Власть и статус каждого человека исходили от государства, и оно умело использовало это, сталкивая элиты между собой и реализуя стратегию «разделяй и властвуй». В таких условиях никто не мог объединиться и бросить вызов центру (Barkey Karen. Bandits and Bureaucrats: The Ottoman Route to State Centralization (Cornell University Press, 1997) 56–59). Динамика османских восстаний принципиально отличалась от логики западного колониализма: если в колониях Запада восстания направлялись против навязанной извне чужой силы и ее эксплуатации ради независимости и автономии, то в Османской империи они представляли собой борьбу за переопределение связи с центром и за доступ к привилегиям внутри системы.

Рост международного спроса на зерно, табак и хлопок усилил эксплуатацию этих земель и увеличил бремя повинностей для крестьян. Майкл Палэйрет прямо определяет тимарную систему как «самоэксплуатирующуюся». Она основывалась не на повышении производительности, а на усилении давления на крестьянский труд и перераспределении имеющегося прибавочного продукта²⁵. По его мнению, это в долгосрочной перспективе подорвало экономическую модернизацию Балкан и исключило регион из глобального капиталистического развития²⁶.

Более серьезным последствием для центральной власти стало то, что сипахи²⁷ постепенно начали воспринимать государственный «ушр» как собственный доход. Это сокращало поступления из периферийных областей и ослабляло власть государства в провинции. Аяны, защищая свои интересы, создавали частные вооруженные отряды, что способствовало утверждению в Балканах полудеревянного строя и распространению разбоя. Крестьяне, обремененные тяжелыми налогами и постоянной угрозой грабежей, уходили в менее безопасные горные районы, оставляя широкие равнинные земли необработанными²⁸.

На этом этапе тимарная система Османской империи подвергалась критике и в западной историографии, особенно у балканских марксистских исследователей. По их мнению, как отмечал Халиль Иналджик, османские крестьяне страдали под «турецким игом», а сам тимар представлял собой архаичный феодальный порядок. Эти авторы рассматривали его как эксплуатационный механизм и утверждали, что экономическое отставание Балкан в новое время стало прямым следствием созданной османами системы эксплуатации. В османской же историографии тимар традиционно описывается как «золотой век независимых крестьян»²⁹.

Прямые анализы Османской империи у Карла Маркса ограничены, однако его концепция Азиатского способа производства дает продук-

²⁵ Этот вывод согласуется с веберовским анализом экономических последствий патримониального правления: султанистские системы структурно подавляют рыночноориентированный капитализм, поскольку делают невозможной калькулируемую экономическую деятельность (Weber. 2019, 370–373).

²⁶ Palairot Michael. The Balkan Economies c. 1800–1914: Evolution without Development (Cambridge University Press, 1997), 36–39.

²⁷ Сипахи были не только служилыми военными, но и посредническим слоем, направлявшим крестьянский труд в центр; именно это делает османский тимар сопоставимым с колониальными режимами труда на Западе.

²⁸ Palairot. 1997, 38–44.

²⁹ Adanir. 1998, 269–270; Inalcik. 2005, 29.

тивную рамку для понимания системы мири-земель и тимара. Земля юридически принадлежала государству, крестьяне обладали лишь правом пользования и облагались налогами, что препятствовало развитию частной собственности и капиталистических отношений. Таким образом, османский порядок воспроизводил ключевые черты Азиатского способа производства — общинная собственность, центральная роль государства и докапиталистические формы эксплуатации — и до отмены тимарной системы сохранял архаичную структуру^{30, 31}.

Такие историки, как Халиль Иналджик и Феридун Эмеджен, считают эту интерпретацию ограниченной, поскольку не следует игнорировать прагматический контекст. Ведь османская власть действовала преимущественно прагматично, вырабатывая практические решения, соответствующие условиям времени. Империя создала отличную от Европы форму власти с сильным централизованным началом, поэтому неверно утверждать, что основная цель земельного порядка состояла в лишении общества собственности. Феодалные отношения и представления о собственности в Европе были иного характера; предоставление индивидуальных прав на землю в тех условиях было невозможно. Хотя с ослаблением центральной власти в Османской империи проявились некоторые феодалные элементы, благодаря сильному центру этот процесс не принял формы, аналогичной западноевропейской³².

2. Девширме: османская система набора

Османская империя использовала систему девширме как один из важнейших механизмов набора войск. Эта практика особенно сильно повлияла на Балканы и вызвала среди историков оживленные дискуссии в административном, социальном и колониальном контексте. Девширме представляла собой сложный процесс, формировавший

³⁰ *Marx Karl*. A Contribution to the Critique of Political Economy (Progress Publishers, 1859) <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/critique-pol-economy/index.htm>.

³¹ Например, система «Чифт-Хане» сохраняла автономию крестьянских хозяйств, ориентированных на натуральное производство, однако их ресурсы включались в военные и фискальные нужды государства посредством тимара. Это показывает, что вплоть до ликвидации тимарной системы Османская империя сохраняла примитивный способ эксплуатации и не смогла развить его в более сложную форму.

³² *İnalçık H.* 2005, 26–27; *Emecen F.M.* 2016, 56–57.

военную, управленческую и социальную структуру Османской державы. В историографии Балкан система по-прежнему рассматривается как ключевой элемент в спорах о колониальном характере Османской империи. Балканские исследователи интерпретируют ее как крайне жестокий метод, направленный на разрушение городов, ослабление местного населения и насильственное обращение детей в рабов, которых затем использовали в войнах против собственных народов. Более того, современные социально-экономические проблемы региона нередко связываются с эксплуатацией человека в Османской империи, а девширме трактуется как одна из форм такого давления³³.

В период бейликов Османское государство применяло известный в исламском мире «пенджик» — систему, по которой пятая часть военнопленных (или ее денежный эквивалент) передавалась в турецко-мусульманские семьи Анатолии. Там пленники усваивали язык и культуру. При султани Мураде I (1362 г.) эта практика была узаконена, и таким образом возникли особые подразделения, подчиненные непосредственно падишаху — капыкулу. Наиболее известными из них стали янычары, представлявшие собой профессиональное военное соединение. Важнейшей причиной учреждения капыкулу была необходимость устранить угрозу со стороны сильных тюркских аристократических родов и тем самым уравновесить их влияние. Одновременно султан получил возможность поддерживать функционирование меритократической элиты^{34,35}.

Посредством девширме формировался особый слой капыкулу, состоявший из юношей, вырванных из балканских сообществ и превращенных в абсолютно преданных султану. Эта система исключала местную аристократию и создавала прямую колониальную элиту, связанную только с центром. Девширме стала инструментом концентрации власти и устранения потенциальной автономии провинции.

³³ *Yilmaz Gulay*. «The Devshirme System and the Levied Children of Bursa in 1603–4» (Belleten, 2015) 286: No 79, 902–903.

³⁴ *Ozcan Abdulkadir*. «Kapikulu» (DIA, 2001) No 24, 348; *Ozcan Abdulkadir*. «Pencik» (DIA, 2007) No 34, 226–228; *Genc Mehmet*. Osmanli Imparatorlugu'nda Devlet ve Ekonomi (Otuken Yayinlari, 2014), 80.

³⁵ В типологии Вебера это соответствует логике «патримониальной бюрократии»: правитель формирует административный аппарат из зависимых людей, а не из свободно назначаемых чиновников, именно для того, чтобы предотвратить накопление независимой власти и обеспечить безусловную личную лояльность (Weber. 2019, 349, 361–362).

Султан Мурад I.
Из открытых источников

После поражения при Анкаре (1402) система пенджика оказалась недостаточной, и для удовлетворения военных нужд была внедрена девширме. Впервые она применялась на Балканах, а при Мураде II (1421–1451) получила законодательное оформление. Согласно правилам для капыкулу отбирались христианские юноши в возрасте от восьми до двадцати лет. Сначала их распределяли по турецким семьям («отдать туркам»), где они усваивали язык и мусульманские обычаи, затем переводили в Стамбул для военной или административной службы. Первоначально набор осуществляли местные беи и кадии, но из-за злоупотреблений с периода Мехмеда II контроль был передан чиновникам из центра. Система просуществовала около 150 лет, к концу XVI в. начала разрушаться, и потребности капыкулу восполнялись за счет кюлоглу и учеников ага³⁶.

Ключевой особенностью девширме было систематическое изъятие у балканских обществ их молодых и трудоспособных мужчин. Эта практика напоминает обязательную трудовую повинность в колониальных режимах: производительные силы отрывались от семей, а демографический потенциал местных сообществ сознательно ослаблялся. Таким образом, девширме служила не только военным ресурсом для империи, но и инструментом долгосрочной трансформации социальных структур на периферии.

³⁶ Özcan Abdulkadir. «Devshirme» (DIA, 1994) No 9, 254–257.

Султан Мурад II.
Из открытых источников

Система девширме осуществлялась исключительно среди детей христианских семей и подчинялась строгим критериям отбора. Обрезанные или владевшие турецким языком дети не принимались, так как предполагалось, что они могли быть мусульманами или евреями. Единственный сын в семье не изымался, однако в многодетных семьях выбирали самого здорового. Евреи также оставались вне системы, поскольку Османская империя использовала их в качестве носителей торговых функций. Такая избирательность обеспечивала формирование янычарского корпуса из наиболее физически подходящих и абсолютно преданных султану людей^{37,38}.

Эти детализированные критерии показывают, что девширме не была случайным процессом, а представляла собой определенный про-

³⁷ *Uzuncarsili Ismail Hakki*. Osmanli Devleti'nde Kapikulu Ocaklari 1 (Türk Tarih Kurumu, 1988) 17–18; *Akgunduz Ahmet*. Osmanli Kanunnameleri — I. Ahmed, I. Mustafa ve II. Osman Devirleri Kanunnameleri (Osmanli Araştırmaları Vakfı, 1996), 138–139.

³⁸ В системе девширме существовали различные правила отбора. Так, если у ребенка не было родителей, считалось, что он будет плохо воспитан и склонен к жадности, поэтому его не брали. Сын местного старосты также не подлежал набору, так как предполагалось, что он окажется худшим из общины. Чабаны, дети с физическими недостатками, люди с определенными ремеслами или уже бывавшие в Стамбуле также исключались: полагали, что такие дети будут «слишком хитрыми» для службы (*Uzuncarsili*. 1988, 17–18).

Янычар с мушкетом. Гравюра из альбома Чезаре Вечеллио
«Костюмы всех времен и народов». 1590 г.
Из открытых источников

ект социальной инженерии³⁹. Османская власть систематически изымала самых здоровых и продуктивных сыновей балканских крестьян, но не затрагивала такие группы, как евреи, обладавшие значительным налоговым потенциалом в городах, или русские и грузины, жившие на пограничных территориях вне прямого контроля империи. Таким образом, государство сохраняло источники налоговых поступлений на местах, одновременно нейтрализуя возможные конкурирующие аристократии.

Включение или исключение определенных групп, как и в западных колониальных империях, определялось экономическими интересами и политическими целями господствующей власти. Подобно западным державам, Османская империя стремилась категоризировать общество и сделать его «читаемым» (legibility)⁴⁰. Это свидетельствует о рациональной основе системы.

³⁹ Фуко описывает аналогичную логику в своем анализе дисциплинарной власти: дисциплина воздействует на тело не «оптом», а «в розницу, индивидуально», добываясь захвата «на уровне самого механизма — движений, жестов, поз, скорости» и производя «послушные тела», полезность которых возрастает по мере роста покорности (Foucault. 1995, 137–139).

⁴⁰ Scott James. Seeing Like a State (Yale University, 1998), 2–6.

Янычарский офицер. Рисунок Джентиле Беллини.
Из открытых источников

С конца XVI в. в функционировании девширме произошли серьезные изменения. Такие авторы, как составитель Каванин-и Йеничериан и Кочибей, связывали упадок корпуса с отходом от «Канун-и кадим»⁴¹ и, в частности, с приемом в корпус представителей различных этнических групп извне. По их мнению, это разрушало однородность и дисциплину. Эти жалобы отражают не только кризис военной организации, но и ослабление способности центра контролировать провинции⁴². Османские архивные документы подтверждают данный процесс. Так, при наборе в Бурсе в 1603–1604 гг. было собрано более 2600 детей, причем возрастной диапазон сместился с 8–15 до 15–20 лет. Это свидетельствует о предпочтении более зрелых и физически развитых юношей, что было связано с изменениями в военной технологии, в частности с распространением огнестрельного оружия, требовавшего более короткого периода подготовки⁴³.

⁴¹ Османские мыслители, размышляя о причинах упадка государства, утверждали, что Османская империя утратила величие времен султана Сулеймана, потому что уклонилась от старых правил и установлений.

⁴² *Danusman Zuburi*. Kocibey Risalesi (Milli Egitim Basimevi, 1972), 43; *Fodor Pal*. «Bir Nasihatname Olarak Kavanin-i Yeniceriyan», *Besinci Milletlerarasi Turkoloji Kongresi* (Edebiyat Fakultesi Basimevi, 1985), 217–219; *Akgunduz*. 1996, 263; *Beydilli Kemal*. «Yeniceri» (DIA, 2013), No 43, 458.

⁴³ *Yilmaz*. 2015, 918–925.

Одним из самых дискуссионных вопросов османской историографии остается проблема: считать ли девширме формой рабства. На первый взгляд эта практика, не основанная на согласии семей, действительно напоминает насильственное порабощение. Однако статус «раба султана» (*kul*) был гораздо более сложным, чем современное понимание рабства: девширме могли владеть землей и даже занимать высшие посты вплоть до визиря^{44,45}. Именно поэтому среди историков существуют разные интерпретации.

Поль Виттек признавал, что девширме формально противоречила шариату, но считал, что османы оправдывали практику ссылками на отдельные положения шафиитского права⁴⁶. Виттек также возражал против обвинений в «варварстве»: по его мнению, система предоставляла христианскому населению возможность карьерного роста, при этом семейные связи не всегда полностью разрывались, а некоторым предоставлялись особые привилегии. Однако он отмечал и отрицательные последствия: изъятие молодого мужского населения ослабляло аграрный потенциал христианских общин, а включение этих юношей в армию снижало вероятность сопротивления на местах. Критики Виттека указывали, что его объяснения не согласуются с фактами на-

⁴⁴ Özcan. 1994, 256; Yılmaz. 2015, 904.

⁴⁵ Более того, многие из «султанских рабов» занимали высшие должности: достаточно вспомнить таких великих визирей, как Гедик Ахмед-паша, Макбул Ибрагим-паша, Соколу Мехмед-паша, Ферхад-паша, Лала Мехмед-паша, Кара Мурат-паша, Кеманкеш Мустафа-паша и представители династии Кепрюлю. Несмотря на такую выдающуюся роль, особенно Соколу Мехмеда в истории Османской империи, в сербской историографии девширме изображается крайне негативно. При этом фигура Соколу представляется как пример «насиленно оторванного, но сохранившего сербскую идентичность» деятеля (*Hacisalihoglu Neriman Ersoy*. «Bulgaristan Tarih Algisinda ve Tarih Ders Kitaplarinda Devsirme Sistemi ve Yeniceriler» (Tarih Dergisi, 2017). Vol. 2. No 66, 133–134). Схожие противоречия заметны и в восприятии западных наблюдателей. Так, такие путешественники и дипломаты, как Герхлах и Бусбек, с одной стороны, осуждали жестокость практики, но с другой — восхищались османской системой меритократии, где крестьянский сын-христианин мог стать пашой, бейлербеем или даже великим визирем. В отличие от жестко аристократической структуры Габсбургов, в Османской империи во главу угла ставился не род, а личные качества. Таким образом, девширме в христианских источниках выступала символом угнетения и насильственной ассимиляции, а в глазах западных путешественников и дипломатов — инструментом османского военного и политического успеха, основанного на принципах меритократии (*Евстафьев Н.В.* «Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI века». Институт славяноведения Российской академии наук, 2024. № 4, 22).

⁴⁶ Wittek Paul. «Devshirme and Shari'a» (Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1955). Vol. 17. No 2, 275–277.

Девширме для султана Сулеймана I. Миниатюра XVI в.
Из открытых источников

бора среди армян и греков⁴⁷. Халиль Иналджик⁴⁸, напротив, предлагал рассматривать девширме не как форму рабства, а как разновидность чрезвычайной повинности (*avârız-ı divaniye*⁴⁹), и не видел в этом прямого конфликта с исламским правом. Согласно договору (*зимми-акд*), заключенному с немусульманами, их жизнь и имущество находились под защитой государства, а взамен они выплачивали «джизью» — налог, который представлял собой плату за освобождение от военной службы. По мнению Абдулкадира Озджана, в случаях крайней необходимости

⁴⁷ Wittek Paul. «Ankara Bozgunundan Istanbul'un Zaptına (1402–1455)» (trans.) Halil Inalcık (Belleten, 1943). Vol. 7. No 27, 588–590.

⁴⁸ Inalcık Halil. Osmanlılar–Futuhât, İmparatorluk, Avrupa ile İlişkiler (Timaş Yayınları 2010), 186.

⁴⁹ Это было своего рода чрезвычайное налоговое обязательство, применявшееся в Османской империи в исключительных случаях — во время войны, стихийных бедствий или голода. Кроме того, налог *аварыз* рассматривался в османском обществе как своеобразная форма солидарного взноса.

государство могло отказаться от взимания этого налога и вместо этого потребовать от зимми несения военной службы⁵⁰. Такая практика рассматривалась как вполне легитимное требование, которое империя могла предъявить к населению завоеванных территорий. Эти разные интерпретации показывают, что девширме служила не только источником военной силы, но и выражением юридического и политического прагматизма османов.

Исследование Нериман Эрсой Хаджысалихоглу анализирует отражение системы девширме в современной болгарской историографии и школьных учебниках. Согласно ее выводам, в Болгарии начиная с 1980-х гг. в учебных материалах девширме обычно определяется как «кровавый налог» и представляется одной из наиболее негативных практик османского управления. После смены режима в 1990 г. терминология стала менее жесткой, однако девширме по-прежнему описывается как «изъятие у семей самых сильных и здоровых болгарских детей» и трактуется как проявление репрессивного характера османской власти. Хотя акцент в школьных программах постепенно ослаб, во вспомогательной литературе и популярной истории эта тема продолжает излагаться подробно и с иллюстрациями, что укрепляет восприятие Османской империи как колониальной силы⁵¹.

Ранние христианские *vitae* также называли девширме «кровавым налогом» и описывали ее как «самое страшное угнетение». Отрыв детей от семей и обращение их в ислам представлялись в этих источниках одной из тяжелейших форм давления на христианские общины. Данный дискурс содержит ранние зачатки негативной интерпретации девширме, характерной для современной балканской национальной историографии⁵².

В то же время восприятие этой практики со стороны семей оставалось противоречивым. Одни старались скрыть детей или выдавали их за женатых, чтобы избежать набора, другие же добровольно отдавали их в надежде на карьерный рост в государственных структурах⁵³. Однако, как подчеркивал Мустафа Нури-паша, представление о том, что все христианские семьи соглашались с системой, не соответствует действи-

⁵⁰ Ozcan. 1994, 256.

⁵¹ Hacisalıhıoglu. 2017, 135–142.

⁵² Евстафьев. 2024, 19.

⁵³ Yilmaz. 2015, 910–915.

Ротный командир (сотник) янычар. 1568 г.
 Из открытых источников

тельности: потеря ребенка означала серьезный экономический и эмоциональный урон. Так, некоторые регионы — например Янина, Галата, Морей и Хиос — добились особых привилегий, позволявших им избежать девширме⁵⁴.

В этом контексте часть балканских историков рассматривает девширме как насильственную исламизацию населения Балкан и проявление религиозной эксплуатации Османской империи. Подобная точка зрения подчеркивает, что девширме функционировала не только как военный, но и как колониальный механизм господства. Эта культурная трансформация свидетельствует о том, что девширме выполняла не только военную, но и идеологическую функцию. Воспитание детей в турецких семьях и обращение их в ислам являлись типичным примером ассимиляционной политики, характерной для колониальных режимов. Уничтожение местных идентичностей и формирование новой элиты, преданной центру, представляли собой наиболее наглядное проявление османского колониализма.

⁵⁴ Mustafa Nuri Pasha. Netayic ul Vukuat, (ed.) Neset Cagatay. Turk Tarih Kurumu, 1979, 18–19.

Хотя некоторые семьи и надеялись, что их дети в будущем достигнут высоких должностей, в своей основе девширме оставалась механизмом колониального подчинения. Индивидуальное согласие не могло перевесить структурное принуждение: перед лицом государственной власти у семей фактически не существовало подлинного выбора. Поэтому девширме можно интерпретировать как «колониальную практику, легитимированную участием эксплуатируемых».

Меритократическое обещание девширме, возможность для сына балканского крестьянина стать великим визирем были не уступкой управляемым, а условием устойчивости системы: лояльность выпускника была ценной именно потому, что была конституирована через подчинение, а не через свободный выбор. Дисциплинарная логика проявлялась уже на этапе отбора — строгие физические и социальные критерии, распределение по турецким семьям, многолетняя военная и административная подготовка — все это было целенаправленным производством определенного человеческого типа, чья полезность возрастала по мере роста покорности. Система, опиравшаяся исключительно на принуждение, была бы структурно хрупкой: именно встроенное меритократическое обещание превращало принуждение в нечто легитимное — не только в глазах центра, но и в глазах тех, кто в эту систему был включен⁵⁵.

В конечном счете эта трансформация показывает, что девширме была не только источником военной силы, но и инструментом социального инжиниринга.

Подводя итог, можно отметить, что изменения в корпусе можно рассматривать как «упадок», однако на деле Османская империя пыталась прагматично адаптироваться к вызовам времени. Вместе с тем трансформация девширме выявила внутренние противоречия османского колониального порядка. Если изначально девширме выступала инструментом демографического и культурного преобразования балканских обществ, то к XVII в. она стала неустойчивым даже для самого центра. Это показывает, что колониальные практики могли быть не только механизмом господства, но и фактором, ускорившим дезинтеграцию империи⁵⁶.

⁵⁵ Weber. 2019, 349, 361–362; Foucault. Discipline and Punish: The Birth of the Prison, trans. Alan Sheridan (New York: Vintage Books, 1995), 137, 149; Gramsci. Selections from the Prison Notebooks, ed. and trans. Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith (New York: International Publishers, 1971), 57–58, 263.

⁵⁶ Хечтер описывает схожую логику применительно к националистической мобилизации: культурное разделение труда, поддерживающее господство центра, со вре-

3. Миллетская система в Османской империи

В историографии Балкан XIX в. деятельность Османской империи обычно рассматривалась в контексте национальной борьбы и эксплуатации, тогда как в турецкой историографии акцент делался на завоевания и борьбу с немусульманами. В результате обе стороны не смогли объективно отразить действительность региона⁵⁷. До прихода османов каждая мелкая держава устанавливала собственные таможенные пошлины, что затрудняло торговлю, однако при османском правлении была создана централизованная власть и введены низкие тарифы. Кроме того, Османская империя, исходя из прагматических соображений, стремилась обеспечить внутреннюю стабильность посредством религиозной терпимости. Этот подход проявился в политике истималета, которая заключалась в защите христианского населения на завоеванных территориях, предоставлении налоговых льгот и гарантиях свободы вероисповедания. С 1453 г. действовала система миллетов, позволявшая религиозно организованным общинам пользоваться автономией и сохранять институциональную преемственность. Под покровительством османов православная церковь получила особый статус, что до XVII в. помогало предотвращать крестьянские восстания. Более того, политическая стабильность и низкие тарифы способствовали развитию торговли и урбанизации на Балканах⁵⁸.

Хотя политику истималета часто трактуют как проявление терпимости, в колониальном контексте она предстает как стратегия централизованной власти по интеграции местного населения. Налоговые льготы и религиозные свободы были инструментами завоевания лояльности. Таким образом, истималет можно интерпретировать не только как проявление «терпимости», но и как колониальный механизм производства согласия, укрепляющий власть центра на Балканах⁵⁹.

После завоевания Константинополя султан Мехмед II Фатих видел себя наследником римских императоров и стремился со-

менем само порождает корпоративные идентичности, на которых строятся движения сопротивления (Hechter. 1975, 40–43).

⁵⁷ Inalcik. 2005, 27, 35.

⁵⁸ Ilgurel Mucteba. «Istimalet» (DIA, 2001) No 23, 362.

⁵⁹ Грамши определяет государство именно как «гегемонию, защищенную броней принуждения»: налоговые льготы и религиозные свободы в рамках истималета являлись инструментами организации согласия, а не самоценными проявлениями толерантности (Gramsci. 1971, 263).

здать порядок, приемлемый для разных монотеистических религий⁶⁰. В 1454 г. он подчинил православных христиан власти патриарха Константинопольского, поставив церковь под покровительство Османской империи. Православные общины сохранили этническое разнообразие, а языками богослужения оставались греческий и церковнославянский. В рамках системы миллета общины управлялись своими религиозными лидерами, сохраняли образование и культовую практику⁶¹.

Аналогичным образом османы признали армянские общины как отдельные миллеты: григорианский, католический и позднее протестантский⁶². Уже при Фатихе армянский патриарх был провозглашен главой всех армян империи. Армяне пользовались не только религиозной автономией, но и занимали значимые позиции в экономике и бюрократии; особенно в XIX в. они получили репутацию «верного миллета» и заслужили доверие государства. Их работа переводчиками в Министерстве иностранных дел и вклад в искусство закрепили эту позицию. Таким образом, и православные, и армянские общины в сравнении с византийским периодом получили более институционализированный статус⁶³.

Историк Махиэль Киел, исследовавший османские Балканы, подчеркивает, что в Болгарии христианство при османском правлении сохраняло институциональное существование, а строительство новых церквей на местном уровне во многом терпелось. В противоположность этому болгарские авторы связывали османское господство с упадком общества и деградацией искусства. Киел же утверждает, что слабость болгарского искусства объяснялась прежде всего политической раздробленностью и внутренними конфликтами в предосманский период⁶⁴, тогда как османская власть через

⁶⁰ *Karpat Kemal*. *Balkanlarda Osmanli Mirasi ve Ulusculuk*, (trans.) Recep Boztemur (Imge Kitabevi, 2004) 21; Ortayli, 2020, 66.

⁶¹ *Karpat*. 2004, 22–23.

⁶² *Ortaylı İ.* Millet, in: *Diyanet İslam Ansiklopedisi (DİA)*. No. 30. 2020. S. 66–70.

⁶³ *Dadyan Saro*. *Osmanlı'da Ermeni Aristokrasisi*, Everest Yayınları. 2011, 45; *Halacoglu Yusuf*. *Ermeni Tehciri (Babiali Kultur Yayıncılığı 2014)* 17; *Celik Recep*. «Osmanli Burokrasisinde Ermeniler», *Tarihte Turkler ve Ermeniler Merkez ve Taşrada Ermeniler* 6. (eds.) Mehmet Metin Hulagu, Musa Sasmaz, Ibrahim Ethem Atnur and others (*Türk Tarih Kurumu*, 2014), 187–188.

⁶⁴ *Landau Jacob M.* «Machiel Kiel, Art and Society of Bulgaria in the Turkish Period: A Sketch of the Economic, Juridical and Artistic Preconditions of Bulgarian Post-Byzantine Art and Its Place in the Development of the Art of the Christian Balkans, 1370–1700. A New Interpretation» (*Van Gorcum*, 1985), 281–285.

Константинопольские греки. Рисунок Луиджи Майера.
Из открытых источников

систему миллета позволила сохранить религиозные и культурные традиции⁶⁵.

Система миллетов, формально признавая религиозную автономию различных общин, на деле была механизмом, заново определявшим их в рамках османского контроля. В колониальном измерении это означало, что империя управляла подданными, «называя» их собственными категориями. Автономия общин существовала лишь под надзором государства, что позволяет рассматривать миллетскую систему как форму колониального «административного регулирования»⁶⁶.

После обретения независимости Грецией в 1829 г. миллетская система подверглась сомнению, а вмешательства западных держав вынудили Османскую империю к новым реформам. В XIX в., в русле модернизационных усилий, были провозглашены Танзиматский указ 1839 г. и Ислахатский указ 1856 г. Эти акты провозглашали гарантии безопасности жизни и имущества для всех подданных и равенство мусульман и немусульман, однако на практике традиционная система миллета продолжала действовать⁶⁷.

⁶⁵ Karpat. 2004, 23–24.

⁶⁶ Это соответствует тому, что Хечтер описывает как «культурное разделение труда»: система, при которой различным общинам предоставляется дифференцированный доступ к статусным институтам, воспроизводит неравенство, делая его структурно организованным и потому устойчивым (Hechter. 1975, 38–39).

⁶⁷ Akyildiz Ali. «Tanzimat» (DIA, 2011) No 40, 1–5.

Ислахатский указ особенно расширил права христиан в области свободы вероисповедания, управления учебными заведениями и доступа к государственной службе. Тем не менее введение денежного выкупа за воинскую повинность вызвало недовольство среди мусульман и усилило социальное напряжение. Этот процесс укрепил позиции армянской и греческой общин в государственном аппарате, но одновременно способствовал росту ощущения статуса потери у мусульман и стал почвой для усиления националистических движений⁶⁸.

Айлин Кочуньян⁶⁹ рассматривает трансформацию османской системы миллета в XIX в. в контексте межимперской конкуренции. По ее мнению, институционализация армянской и еврейской общин в Османской империи была не только результатом внутренних динамик, но и напрямую связана с французской моделью *régime des cultes* и контролем России над Армянской церковью. Таким образом, модернизация миллета была не столько проявлением прагматической «терпимости», сколько инструментом международной легитимации и борьбы за влияние. Танзимат и Ислахат, следовательно, одновременно сохраняли стратегию контроля над общинами и представлялись внешнему миру как «признак цивилизации», гарантировавший религиозные свободы. Кроме того, армянский регламент 1863 г. предусматривал создание светского совета при патриархе, ограничившего религиозную власть, а еврейский регламент 1865 г. свел полномочия хахам-баши исключительно к духовной сфере. Таким образом, миллетская система внешне сохраняла «автономию» общин, но фактически подчиняла их современному бюрократическому надзору⁷⁰.

Реформы XIX в. не охватывали все религиозные группы, а в основном касались греков, армян и евреев. Более того, хотя Танзимат и Ислахат декларировались как акты равенства и модернизации, в колониальной перспективе они представляли собой результат давления западных держав и попытку Османской империи дисциплинировать общины под видом «современного гражданства»⁷¹. В этом смысле ре-

⁶⁸ *Gulsoy Ufuk*. «Islahat Fermani» (DIA, 1999) No 19, 185–190.

⁶⁹ *Kocunyan Aylin*. «The Millet System and the Challenge of Other Confessional Models, 1856–1865» (*Ab Imperio*, 2017) No 1, 1–6.

⁷⁰ *Kocunyan*. 2017, 15–23.

⁷¹ В терминологии Фуко это описывает как переход от власти суверенитета, извлекающей ренту и дань, к дисциплинарной власти, стремящейся конституировать население как управляемых субъектов через административную классификацию и нормализацию (*Foucault*. 2013, 35–38).

Маронитский монах и паломники. Изображение конца XIX в.
Из открытых источников

формы можно рассматривать как находящиеся одновременно в тени западного колониализма и в логике внутреннего османского колониального управления.

Салим Чевик⁷² рассматривает управление религиозным плюрализмом в Османской империи как стратегию, колеблющуюся между плюралистической моделью Габсбургов и ассимиляционистской моделью Романовых. Централизационные усилия XIX в. были направлены, с одной стороны, на преодоление границ миллетской системы и создание более равноправной османской идентичности, а с другой — на ограничение автономии немусульманских общин. По мнению Чевика, окончательный поворот Османской империи к романовской, гомогенизирующей модели является проявлением исключаящей колониальной логики. Это наследие было унаследовано и секулярной Республикой, что парадоксальным образом привело к возникновению менее толерантного национального государства по сравнению с империей.

⁷² Cevik Salim. "From Empire to Nation: Management of Religious Pluralism in the Ottoman Empire and Turkey" (Philosophy and Social Criticism, 2024) 50, No. 4, 6–9.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ систем тимара, девширме и миллета в Османской империи демонстрирует, что эти институты составляли основу уникальной модели колониализма, структурно отличавшейся от западных аналогов. Данная модель функционировала не как заморская экспансия, а как практика доминирования, утверждавшаяся «внутри», будучи государственно-центричной, прагматичной и меритократичной. Система тимара устанавливала контроль над производственными отношениями через концентрацию земельной собственности в центре и мобилизацию крестьянского труда в интересах государства; девширме систематически изымала и трансформировала человеческий капитал балканских обществ, создавая военно-бюрократическую элиту, абсолютно лояльную центру; миллетная система, за фасадом ограниченной религиозной автономии, легитимировала османское господство, делая сообщества «читаемыми» (*legible*) и, следовательно, управляемыми.

Общей чертой этой триады было обеспечение эффективного сбора ресурсов (налоги, солдаты, повиновение) центром при одновременном предотвращении формирования традиционных феодальных или буржуазных классов. Хотя это и обеспечило империи значительную стабильность в ранний современный период, в конечном итоге оно привело к структурному застою, который препятствовал капиталистической трансформации и усугублял зависимость от абсолютного контроля центра. Превращение тимара в илтизам, разложение девширме и распад миллетной системы перед лицом националистических требований являются показателями того, что данная централизованная колониальная модель стала несостоятельной в условиях меняющихся реалий.

Таким образом, обозначение Османской империи как «колониальной» не означает приравнивания ее к европейским имперским державам. Напротив, оно позволяет более тонко понять *sui generis* методы — централизованные, инструментальные и ориентированные на проникновение, разработанные для управления ее многоэтническими и многоконфессиональными территориями. Османский колониализм был скорее прототипом «экономики управления», нежели «экономики грабежа».

Сравнительный анализ позволяет объяснить устойчивость и последующий распад империи в единой логике. Принципиальное отличие османской модели состоит в следующем: там, где атлантический империализм строился на исключении завоеванных из метропольных культурных кате-

горий, османская система действовала через избирательное включение, требуя лояльности, а не этнической идентичности. Именно в этом, однако, обнаруживается ее структурный предел: культурное разделение труда, поддерживавшее османский контроль, одновременно формировало те самые корпоративные конфессиональные идентичности, на которых впоследствии строилась националистическая мобилизация. Когда правящая группа оказывается способна лишь принуждать, утратив способность производить согласие, распад становится не случайностью, а структурной неизбежностью. Применительно к Османской империи это означает, что не военные поражения и не финансовое истощение, а именно эта утрата — превращение тимара в инструмент ренты, девширме в закрытую корпорацию, миллета в источник сепаратизма — обусловила структурную несостоятельность централизованной колониальной модели.

Ключевой вклад настоящего исследования состоит не в том, чтобы поставить знак равенства между Османской империей и европейскими колониальными державами, а ровно в обратном — чтобы показать принципиальное различие между ними. Эксплуатация есть нормальное условие существования любой централизованной власти: она присутствует там, где есть государство, армия и налог. Вопрос не в том, была ли она — она была всегда и везде. Вопрос в том, какую форму она принимала. Ряд имперских моделей — в частности, европейский колониализм нового времени — прибегал к последовательному вытеснению завоеванных обществ: подавлению языков, замещению административных структур, принудительной трансформации культурной идентичности. Османская империя поступала иначе: она не уничтожала языки — она их сохраняла; не истребляла религии — она их институционализировала; не стирала идентичности — она их фиксировала и использовала в целях управления. Это была эксплуатация без уничтожения, господство через включение, а не через вытеснение. Именно поэтому понятие «колониализм» применительно к Османской империи требует существенной оговорки: речь идет о *sui generis* модели, в которой сохранение различий было не терпимостью из человеколюбия, а условием эффективного управления. Признать это — значит не оправдать империю, а понять ее.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declares no relevant conflict of interests.

Авторский вклад

Демирджи Э. А. — концептуализация, формальный анализ, поиск данных, исследование, методология, написание/оригинальный текст, написание/редактура, общее руководство.

Демирджи Д. А. — формальный анализ, поиск данных, исследование, ресурсное обеспечение, написание/оригинальный текст, написание/редактура.

Authors contribution

Enver Alper Demirci — conceptualization, formal analysis, data curation, investigation, methodology, writing — original draft, writing — review & editing, supervision.

Daria A. Demirci — formal analysis, data curation, investigation, resources, writing — original draft, writing — review & editing.

Список литературы / References

1. Евстафьев Н.В. Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI века. *Славяноведение*. 2024;(4):16–25.
Evstafiev N.V. The view of Christian authors on the devshirme practice in the Ottoman Empire of the 16th century. *Slavic Studies*. 2024;(4):16–25 (in Russ.).
2. Adanir F. The Ottoman peasantries, c. 1360–c. 1860, in: *The peasantries of Europe: From the 14th to the 18th centuries* / Ed. by T. Scott. London; New York: Longman, 1998. P. 269–310.
3. Akgündüz A. *Osmanlı kanunnâmeleri ve hukukî tablilleri* – 9. Cilt: I. Ahmed, I. Mustafa ve II. Osman devirleri kanunnâmeleri (1012–1031 / 1603–1622). İstanbul: Osmanlı Araştırmaları Vakfı, 1996. 736 s.
Akgündüz A. *Ottoman law codes and legal analyses* – Vol. 9: *Law codes of the reigns of Ahmed I, Mustafa I and Osman II (1012–1031 / 1603–1622)*. İstanbul: Ottoman Research Foundation, 1996. 736 p. (in Turk.).
4. Akyıldız A. Tanzimât, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DİA)*. No. 40. 2011. S. 1–10.
Akyıldız A. Tanzimat, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 40. 2011. P. 1–10 (in Turk.).

5. Barkey K. *Bandits and bureaucrats: The Ottoman route to state centralization*. New York: Cornell University Press, 1994. 282 p.
6. Beydilli K. Yeniçeri, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 43. 2013. S. 450–462.
Beydilli K. Janissary, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 43. 2013. P. 450–462 (in Turk.).
7. Çelik R. Osmanlı bürokrasisi'nde Ermeniler, in: *Tarihte Türkler ve Ermeniler: Merkez ve taşrada Ermeniler*. Cilt 6 / Ed. M.M. Hülagü, M. Şaşmaz, İ.E. Atnur, et al. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2014. S. 187–282.
Çelik R. Armenians in the Ottoman bureaucracy, in: *Turks and Armenians in history: Armenians in the center and provinces*. Vol. 6 / Ed. by M.M. Hülagü, M. Şaşmaz, İ.E. Atnur, et al. Ankara: Turkish Historical Society, 2014. P. 187–282 (in Turk.).
8. Çevik S. From empire to nation: Management of religious pluralism in the Ottoman Empire and Turkey. *Philosophy and Social Criticism*. 2024;50(4):597–607.
9. Dadyan S. *Osmanlı'da Ermeni aristokrasisi*. İstanbul: Everest Yayınları, 2011. 458 s.
Dadyan S. *Armenian aristocracy in the Ottoman Empire*. İstanbul: Everest Publishing, 2011. 458 p. (in Turk.)
10. Danışman Z. *Koçi Bey risalesi*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1972. 168 s.
Danışman Z. *Koci Bey's treatise*. İstanbul: National Education Printing house, 1972. 168 p. (in Turk.)
11. Djordjevic D., Fischer-Galati S. *The Balkan revolutionary tradition*. New York: Columbia University Press, 1981. 271 p.
12. Doyle M.W. *Empires*. Ithaca: Cornell University Press, 1986.
13. Emecen F.M. *Osmanlı İmparatorluğu'nun kuruluş ve yükseliş tarihi (1300–1600)*. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2016. 488 s.
Emecen F.M. *The history of the establishment and rise of the Ottoman Empire (1300–1600)*. İstanbul: Turkish İşbank Cultural Publications, 2016. 488 p. (in Turk.)
14. Fodor P. Bir nasihatnâme olarak Kavanîn-i Yeniçeriyân, in: *Tebliğler (Beşinci Milletlerarası Türkoloji Kongresi)*. Cilt III. Kısım 1. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1986. S. 217–224.
Fodor P. Kavanin-i Yeniceriyan as a piece of advice, in: *Proceedings of the 5th International Congress of Turkology*. Vol. III. Pt. 1. İstanbul:

- Publishing house of the Faculty of Letters, Istanbul University, 1986. P. 217–224 (in Turk.).
15. Foucault M. «Society Must Be Defended»: Lectures at the Collège de France, 1975–76. Ed. Mauro Bertani and Alessandro Fontana. Trans. David Macey. New York: Picador, 2003.
 16. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Trans. Alan Sheridan. New York: Vintage Books, 1995.
 17. Genç M. İltizām, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 22. 2000. S. 154–158.
Genç M. İltizam, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 22. 2000. P. 154–158 (in Turk.).
 18. Genç M. *Osmanlı İmparatorluğu'nda devlet ve ekonomi*. İstanbul: Ötüken Yayınları, 2014. 385 s.
Genç M. *State and economy in the Ottoman Empire*. İstanbul: Ötüken Publishing, 2014. 385 p. (in Turk.)
 19. Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks. Ed. and trans. Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. New York: International Publishers, 1971.
 20. Gülsoy U. Islahat Fermanı, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 19. 1999. S. 185–190.
Gülsoy U. The Imperial Reform Edict, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 19. 1999. P. 185–190 (in Turk.).
 21. Hacisalihoğlu N.E. Bulgaristan tarih algısında ve tarih ders kitaplarında devşirme sistemi ve yeniçeriler. *Tarih Dergisi*. 2017;2(66):129–154.
Hacisalihoğlu N.E. The devshirme system and the Janissaries in Bulgarian historical perception and history textbooks. *Journal of History*. 2017;2(66):129–154 (in Turk.).
 22. Halaçoğlu Y. *Ermeni tehciri*. İstanbul: Babıali Kültür Yayıncılığı, 2014. 189 s.
Halaçoğlu Y. *Armenian deportation*. İstanbul: Babıali Cultural Publishing, 2014. 189 p. (in Turk.).
 23. Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975.
 24. İlgürel M. İstimâlet, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 23. 2001. S. 362–363.
İlgürel M. Expropriation, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 23. 2001. P. 362–363 (in Turk.).

25. İnalçık H. *Osmanlılar: Fütübat, İmparatorluk, Avrupa ile İlişkiler*. İstanbul: Timaş Yayınları, 2010. 320 s.
İnalçık H. *The Ottomans: Future, empire, relations with Europe*. İstanbul: Timaş Publishing, 2010. 320 p. (in Turk.)
26. İnalçık H. *The Ottoman Empire: Conquest, organization and economy*. London: Variorum Reprints, 1978. 362 p.
27. İnalçık H. *The Ottoman Empire: The classical age, 1300–1600*. London: Phoenix Press, 2000. 272 p.
28. İnalçık H. Тимар, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 41. 2012. S. 168–173.
İnalçık H. Timar, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 41. 2012. P. 168–173 (in Turk.).
29. İnalçık H. Türkler ve Balkanlar. *BAL-TAM Türklük Bilgisi*. 2005(1):20–44.
İnalçık H. *Turks and Balkans*. *BAL-TAM Journal of Turcology*. 2005;(1):20–44 (in Turk.).
30. İnalçık H., Quataert D. (Eds.). *An economic and social history of the Ottoman Empire*. Vol. 1: 1300–1600. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. 480 p.
31. Karpат K.H. *Balkanlar'da Osmanlı mirası ve ulusçuluk* / Çev. R. Boztemur. Ankara: İmge Kitabevi Yayınları, 2004. 411 s.
Karpат K.H. *Ottoman heritage and nationalism in the Balkans* / Transl. by R. Boztemur. Ankara: İmge Bookstore Publishing, 2004. 411 p. (in Turk.)
32. Kiliç O. Ocaklık, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 33. 2007. S. 317–318.
Kiliç O. Ocaklık, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 33. 2007. P. 317–318 (in Turk.).
33. Kiliç O. Yurtluk, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 43. 2013. S. 614–615.
Kiliç O. Fief, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 43. 2013. P. 614–615 (in Turk.).
34. Koçunyan A. The millet system and the challenge of other confessional models, 1856–1865. *Ab Imperio*. 2017;(1):59–85.
35. Landau J.M. *Machiel Kiel, Art and society of Bulgaria in the Turkish period: A sketch of the economic, juridical and artistic preconditions of Bulgarian post-Byzantine art and its place in the development of the art of the Christian Balkans, 1370–1700. A new interpretation (Review)*. Assen (Netherlands): van Gorcum, 1985. P. 281–285.

36. Mann M. *The Sources of Social Power, Volume I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
37. Marx K. *A Contribution to the critique of political economy* / Transl. by S.W. Ryazanskaya; ed. by M. Dobb. Moscow: Progress Publishers, 1977. 262 p. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/critique-pol-economy/index.htm> (Accessed on: May 1, 2026).
38. Nuri Paşa M. *Netâyic ül-Vukûât* / Ed. N. Cagatay. Ankara: Turk Tarih Kurumu, 1979. 382 s.
Nuri Paşa M. *Consequences of events* / Ed. by N. Cagatay. Ankara: Turkish Historical Society, 1979. 382 p. (in Turk.).
39. Ortaylı İ. Millet, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 30. 2020. S. 66–70.
Ortaylı İ. Nation/religious community, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 30. 2020. P. 66–70 (in Turk.).
40. Özcan A. Devşirme, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 9. 1994. S. 254–257.
Özcan A. Devshirme, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 9. 1994. P. 254–257 (in Turk.).
41. Özcan A. Kapıkulu, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 24. 2001. S. 347–349.
Özcan A. Kapıkulu, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 24. 2001. P. 347–349 (in Turk.).
42. Özcan A. Pençik, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 34. 2007. S. 226–228.
Özcan A. Pençik, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 34. 2007. P. 226–228 (in Turk.).
43. Palairot M. *The Balkan economies c. 1800–1914: Evolution without development*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 432 p.
44. Scott J. *Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed*. New Haven; London: Yale University Press, 1998. 464 p.
45. Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1990.
46. Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı devleti teşkilâtından kapukulu ocakları: 1. Acemi Ocağı ve Yeniçeri Ocağı*. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1988. 755 s.
Uzunçarşılı İ.H. *From the organization of the Ottoman State: The kapıkulu corps. Vol. 1: The Acemi Ocağı and the Janissary corps*. Ankara: Turkish History Institution, 1988. 755 p. (in Turk.)

47. Weber M. *Economy and Society: A New Translation*. Ed. and trans. Keith Tribe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.
48. Wittek P. Ankara bozgunundan İstanbul'un zaptına (1402–1455) / Çev. H. Inalcık. *Belleten*. 1943;7(27):557–590.
Wittek P. From the defeat at Ankara to the conquest of Istanbul (1402–1455) / Transl. by H. Inalcık. *Belleten*. 1943;7(27):557–590 (in Turk.).
49. Wittek P. Devshirme and Shari'a. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1955;17(2):271–278.
50. Yılmaz G. The devshirme system and the levied children of Bursa in 1603–4. *Belleten*. 2015;286(79):901–931.

Энвер Альпер Демирджи
Enver Alper Demirci

аспирант Института истории
и социологии, Удмуртский
государственный университет,
ORCID: 0000-0001-6033-7762

Doctoral program in Institute
of History and Sociology,
Udmurt State University,
ORCID: 0000-0001-6033-7762

Дарья Алексеевна Демирджи
Daria A. Demirci

бакалавр Института языка и литературы,
Удмуртский государственный
университет,
ORCID: 0009-0009-2391-0879

Bachelor's degree from the Institute
of Language and Literature,
Udmurt State University,
ORCID: 0009-0009-2391-0879

Поступила в редакцию /
Received
14.04.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
14.05.2025

Принята к публикации /
Accepted
16.04.2026